

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Циркулярные предписания в Дуньхуанском фонде Рукописного собрания Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук*

Л. И. Чугуевский
Институт востоковедения РАН
(Санкт-Петербург)

В западной части китайской провинции Ганьсу лежит небольшой городок Дуньхуан. Отсюда когда-то начинался Шелковый путь, ведущий через пустыни и оазисы Восточного Туркестана, через перевалы Памира в Иран, в Среднюю Азию и дальше на запад, в Европу. Являясь в течение ряда веков древности и раннего средневековья узловым пунктом на этом пути, Дуньхуан служил связующим звеном в обмене материальными и культурными ценностями, которые шли в обоих направлениях. В связи с освоением в XIII в. морского пути на запад, а также по ряду других причин, вызванных развитием в X—XIII вв. антифеодальных движений китайского народа, набегами кочевников и потерей монополии в производстве шелка, этот путь утратил свое значение, а вместе с ним упала и роль Дуньхуана.

Однако на рубеже нашего века Дуньхуан вновь напомнил о себе, но уже как замечательный памятник интересной и сложной жизни северо-западной окраины средневекового Китая, дав науке богатейшее собрание письменных и художественных памятников, характеризующих культуру, социально-экономические отношения и уклад жизни местного населения. Вот уже более восьмидесяти лет они служат объектом пристального внимания ученых разных специальностей гуманитарного цикла — искусствоведов и историков, лингвистов и историков литературы, исследователей буддизма и т. п.¹

В нашем собрании письменных памятников из Дуньхуана имеется значительная группа неопубликованных материалов, которые в своей совокупности могут быть классифицированы, с одной стороны, как комплекс разновидностей документов, носивших распорядительные и исполнительные функции, а с другой, как эпиграфические, повествовательные материалы, приближающиеся по своей композиции

* Эта и все прочие статьи настоящего раздела выполнены при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.

¹ См. Чугуевский Л. И. Дуньхуановедение // Письменные памятники Востока: Историко-филологические исследования. Ежегодник 1968. М., 1970.

и сюжету к литературному жанру. Эти уникальные по своему содержанию источники позволяют ставить на твердую фундаментальную основу исследования повседневной жизни тогдашнего общества, в частности объединений *шэ*, истоки которых уходят в глубокую древность. Отражая внешний слой жизни сельской общины, эти документы в конечном счете важны как для исследования процессов эволюции самой общины, так и для изучения этапов, отразивших в определенной степени лексику и разговорный язык того периода.

Имеющаяся в нашем распоряжении документация общинных объединений начиная с уставов общины (*шэтяо*), отражающих момент их полного юридического оформления, до текущей документации (регистрационные листы приношений; регистрационные листы, фиксировавшие задолженность по налогам или взносам в общину; записи о нарушении устава и т. д.) наглядно показывают, какую большую роль в социальной жизни местного населения играли соседские связи, основанные на повседневном общении и регулярной взаимопомощи как в семейных, так и в общественных делах². Перечисление одних только заголовков циркулярных предписаний, исходивших от правления общины (*шэсы*), от руководства монастырей, властных структур, позволяет утверждать, что в социальном отношении дуньхуанские *шэ* были весьма неоднородны. Одни объединяли в своих рядах родственников, другие формировались по профессиональному признаку, третьи были территориальными, чаще всего квартальными. Были братские общины, чисто женские и др. Преобладали, похоже, объединения смешанного типа, куда входили представители самых различных социальных слоев, включая самих правителей города.

Хотя институт *шэ*, по природе своей, был прежде всего религиозным, он явно пытался обеспечить взаимодействие различных общественных систем, в том числе экономических и административных. Объединения прихожан производились как с духовными, так и с фискальными целями³. Так, например, в отличие от основной массы населения, которое объединялось по названным выше причинам, в Дуньхуане практиковалось также формирование групп из таких категорий податных, которые требовали определенной мобильности. Например, по строительству и обслуживанию сети оросительных каналов (*цюйжэнь чжуаньте*), по ремонту всевозможных общественных и монастырских объектов (*дантуань чжуаньте*), по охране казенного имущества и учреждений (*яцянь чжуаньте*), по поддержанию

² См.: Чугуевский Л. И. Общинные объединения мирян при буддийских монастырях в Дуньхуане // VI Научная конференция «Общество и государство в Китае» (далее — НКОГК). М., 1976. Ч. 1.; Он же. Некоторые данные об отношениях объединений мирян с местной администрацией в Дуньхуане // VIII НКОГК. М., 1977. Ч. 1.

³ Чугуевский Л. И. Мирские объединения *шэ* при буддийских монастырях в Дуньхуане // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М., 1982.

общественного порядка (*синжэнь чжуаньте*). И, наконец, общинные институты охватывали административную и хозяйственные сферы самой сангхи (*дансы чжуаньте* — циркулярные предписания по монастырям; *тучжун чжуаньте* — предписания монастырской братии), а также местное чиновничество (*гуаньпиньшэ чжуаньте*).

Поскольку существеннейший аспект социальной жизни большинства мирских объединений составляли действия, связанные с отправлением религиозных культов и особенно привнесенной буддизмом обрядностью, то содержание всех без исключения циркуляров сосредоточивалось в первую очередь на устройстве в складчину пиршеств, связанных с культом духов-покровителей местности и урожая, соблюдении буддийских постов, посещении проповедей, на организации общегородских ритуальных процессий и организации похорон членов объединений. Вторая группа циркуляров дает еще более обильный и конкретный материал для изучения структуры дуньхуанского общества в целом.

Итак, предметом нашего внимания будут так называемые *чжуаньте* — собственно «извещения по кругу», распространенная в Дуньхуане форма письменного оповещения членов названных выше корпораций, объединений: духовной и мирских общин, производственных артелей и т. п. Тексты циркулярных предписаний составлялись в одном экземпляре и, как правило, в монастырях подписывались *сэнчжэном*, а в мирских организациях секретарем письмоводителем, редко — кем-либо из должностных лиц объединения. Документ состоял из двух частей: в первой его половине была изложена суть распоряжения, вытекавшего из устава или правил и традиций данного коллектива либо во исполнение распоряжения местных властей. Далее шло перечисление лиц, которых это предписание касалось. В заключительной части основного текста почти всегда напоминалось о мерах наказания или взыскания в случае невыполнения (в соответствии с уставом) или нарушения данного предписания. Каждый из упомянутых в документе лиц, ознакомившись с его содержанием, должен был против своей фамилии поставить подпись (пометку) и передать предписание дальше, очевидно ближайшему соседу. Последний же возвращал *чжуаньте* в исходный пункт — в правление общины. В период тибетского правления в Дуньхуане (781—848) существовал институт «дежурных» — *юэчжи*, которые обходили с циркуляром нужные им дворы ⁴.

⁴ При изучении дуньхуанских документов следует иметь в виду, что история Дуньхуана подразделяется на три самостоятельных периода: 1) дотибетский период (до 781 г.), когда Дуньхуан входил в состав империи Тан; 2) период тибетского завоевания (781—848) и 3), так называемый период Гуйицзюнь, когда с 848 г. власть в этом районе перешла в руки *цзедуши* (т. е. наместников военного округа Гуйицзюнь), и Дуньхуан до занятия этого района тангутами в 1036 г. фактически, так же как и при тибетцах, был изолирован от Китая.

Циркулярные предписания объединений смешанного типа

Хронологические рамки (середина IX—начало XI в) используемых нами документов охватывают тот период истории Дуньхуана, когда специфические условия этого района — его изолированное и окраинное положение, а также недостаток или, возможно, отсутствие светских центров общения — позволили местным буддийским монастырям развернуть активную деятельность по организации местного населения вокруг монастырей.

Общее, известное нам количество циркулярных предписаний объединений смешанного типа насчитывает 114 единиц. Из них в нашей коллекции, в собрании С. Ф. Ольденбурга, — 27 документов, а остальные 87 — в Лондоне, в Британском музее (33), в Париже, в Национальной библиотеке Франции (50), в Китае, в Пекинской Государственной библиотеке (2) и в Дели, в Индийской Государственной библиотеке, тоже 2 документа. К сожалению, из этого немалою числа письменных свидетельств мы можем набрать едва лишь три десятка предписаний, которые представляли бы собой цельные оригиналы (подлинники). Большинство их, как правило, сохранилось в виде отдельных отрывков, где стандартный штампованный текст позволяет безошибочно определять тип предписания. К тому же написаны они часто на оборотной стороне уже использованных листов бумаги, а это весьма характерно для такого рода документов, как циркулярные предписания. Они были нужны лишь на предварительной стадии любого предстоящего общественного мероприятия, т. е. их цель — оповестить прежде всего тех, кто должен быть участником сбора. Нередки здесь и черновики с двумя-тремя строками распорядительной части предписания.

Отдельные фрагменты носят следы каллиграфических упражнений, которыми занимались монастырские ученики — будущие переписчики буддийских сутр или делопроизводители монастырских хозяйственных служб и общинных правлений. Внешне их упражнения отличаются от оригиналов лишь незрелостью почерка. Все же остальные моменты: дата, перечни имен и фамилий, место действия и другие данные — полностью повторяют оригинал, который брался ими за образец работы. А если еще учесть, что учащиеся в процессе обучения (переписки) вырабатывали не только почерк, но и, несомненно, должны были проходить проверку на внимательность, то, думается, не будет ошибкой, если мы примем их за копии документов, отражающих вполне реальные события.

Отрывочные сведения о существовании мирских общин в китайских городах прослеживаются, хотя и в общих чертах, при рассмотрении, например, источников, отражающих практику буддийских проповедников. Так, в «Жизнеописании достойных монахов» повествуется о деяниях Бао-цзюна (ум. в 634 г.), монаха монастыря Фушоусы из Ичжоу, который прославился тем, что проводил огромную работу по созданию мирских объединений в крае. Каждая из создан-

ных им общин насчитывала в своем составе примерно по 30 человек. Всего в Ичжоу и его окрестностях при участии Бао-цзюна было создано около тысячи таких групп (см. цз. 38). Но основной материал для изучения таких союзов дает все-таки текущая общинная документация буддийских *шэ*, найденная в Дуньхуане (например, Дх-1401)⁵:

- 1 «Шэсы чжуаньте» (циркулярное предписание правления [членам объединения шэ):
- 2 Чжан Шао-цин, Ань Цзай-шэн, яя Лян (с лошастью), Ван Чоу-цзы,
- 3 Ма Бао-цзы, // Ма Цзай-дин, Ма Фо-чжу, яя Цзинь, Дун Лю-
- 4 дин, Гао Юань-чан, яя Линху, Чжай Вань-//чжу, Му Шэн-
- 5 цюань (с лошастью), Ван Фу-ну, Ван Фу-дэ, Ань Вань-дуань, Ань
- 6 Бао-цюань (с лошастью), Ду// Ван-нянь, Ван Бао-дин, Лян Бао-
- 7 дэ, Гао Цзинь-хэ, .?. (юй)хоу.
- 8 Поименованным выше членам общины для перевозки статуи Буд-
- 9 ды//необходимо лично явиться в срок, указанный в [данном]
- 10 предписании. 7-го дня текущей луны к часу *мао* (цикл *мао* соот-
- 11 ветствовал отрезку времени от 5 до 7 часов утра. — Л. Ч.) <...>
- 12 собраться возле <...> На двоих, которые последними//прибудут
- 13 [на место сбора], наложить штраф в [объеме] одного *цзяо* вина.
- 14 Тех, кто не явится вовсе, оштрафовать на половину *вэн* (сосуд
- 15 для закваски вина. — Л. Ч.) вина. Данное предписание следует
- 16 быстро передавать по кругу. [Его] не следует задерживать,//
- 17 если будут такие, кто задержит циркуляр, то они понесут взыска-
- 18 ние по уставу. После того как это предписание обойдет по кругу,
- 19 вернуть его в правление нашего объединения, чтобы иметь осно-
- 20 вания определить наказание.
- 21 В 7-й день 2-й луны года *синь-вэй* (911?) *луши* Ли предписал
- 22 (санкционировал).

Здесь «7-й день 2-й луны» — это канун дня рождения Будды. Поэтому нетрудно предположить, что мобилизация членов объединения была вызвана подготовкой к предстоящему торжественному шествию — *синсянхуй* (букв. «к путешествию образа, статуи»). Название торжественной части празднества в день рождения Будды, который в Дуньхуане отмечался в 8-й день 2-го месяца. Изображение (статуя) Будды водружалось на специальную повозку и провозилось по выработанному маршруту по городу. Непосредственным руководителем и организатором этого шествия был один из отделов *дусэнтунсы*, управления духовной общины. Активное участие в его организации и проведении принимали и члены мирских объединений *шэ*. В частности, они покрывали часть расходов, связанных с его ритуальной стороной, обеспечивали сбор необходимых продуктов и, как видим, предоставляли для транспортировки статуи и лошадей.

⁵ Описание рукописи см.: Воробьева-Десятковская М. И., Гуревич И. С., Меньшиков Л. Н., Спирин В. С., Школяр С. А. Описание китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии. Вып. 1. М., 1963. № 1635.

Проблема дуньхуанской общинной документации, затронутая в одной из наших работ, позволяет воздержаться здесь от дальнейшей характеристики и анализа данного документа. Следует только добавить, что найденный в Дуньхуане материал исключительно разнороден: с одной стороны, перед нами, как в данном случае, сугубо документальные данные одной из 13-ти приграничных окраинных танских волостей на уровне приходского объединения мирян, с другой — огромное количество еще мало учтенных эпиграфических данных, сохранившихся как в настенной росписи храмов-пещер, так и особенно в текстах, воспроизведенных на бумаге. В этом плане мы имеем в виду всевозможные, пока еще мало использованные, благопожелательные и молитвенные тексты, которыми в свое время сопровождалась пышные празднества и церемонии, связанные с культом духов-покровителей местности и урожая, а также со слушанием проповедей на молитвенных собраниях, привлекавших огромные толпы приверженцев буддизма. Среди них можно было встретить как простолудинов, так и людей «своего круга». Свои религиозные объединения, как мы уже говорили, имели чиновники различных управлений и служб, женщины из именитых семей, юноши и девушки, монахи и монахини, и, наконец, имели место случаи, когда последователи буддизма ограничивались какой-либо благочестивой деятельностью: сооружением или починкой храмов-пещер, перепиской сутр или печатанием изображений буддийских божеств. Одна такая группа из 16 человек (см. рукопись из колл. Стейна, № 3540), создавая свое объединение, взяла на себя обязательство отреставрировать своими силами и на свои средства храм-пещеру, при этом оформила свое объединение не через устав (хотя и сохранила его основные положения, выбрав руководство общины), а через обоюдную, оформленную письменно договоренность, которая должна была утратить свою силу с завершением ремонтных работ.

В составе группы выделяются: *сянгуань* (начальник волости), *шэчжан* (староста какого-то другого, параллельно существовавшего объединения *шэ*) и три-четыре представителя военной (*цзянтю*), административной (*дуяя*, *дую*) и духовной организации (*бицю*). Эти люди, надо думать, вложили в намеченное мероприятие финансовые средства и ресурсы, а остальные — свои знания и силу.

Наличие приведенного выше разнообразия общин является, можно сказать, косвенным подтверждением того, что ни религиозные, ни тем более объединения светской направленности не ломали основ социальной структуры Дуньхуанского региона, напротив — они отражали и в конечном счете закрепляли их. Более того, каждая из них вносила свои, только ей присущие детали в картину местного уклада и быта, существенно дополняя административные, территориальные и профессиональные формы общностей.

Циркулярные предписания для членов объединений, обслуживавших оросительную систему (*цюйжэнь чжуаньте*)

В Дуньхуанском уезде с его климатическими и природными условиями, где громадное пространство занимают пески, основу сельского хозяйства составляло орошаемое земледелие. Еще на первом этапе освоения китайцами этих земель недостаток осадков привел к необходимости создания здесь ирригационных сооружений.

В описании области Шачжоу («Шачжоу дудуфу туцзин», составлено в период 713—741 гг., в годы Кайюань), фрагмент которого был найден в Дуньхуане (см. Р-2005), названы 7 оросительных, по всей видимости, магистральных каналов: Бэйфуцьюй (протяженностью в 45 ли), Дусянцьюй (20 ли), Ицицьюй (20 ли), Мэншоуцьюй (20 ли), Саньчжанцьюй (5 ли), Янкайцьюй (15 ли) и Янъаньцьюй (7 ли). Кроме того, были построены две плотины — Мацюанькоуянь и Чанчэньянь. Строительство первой дуньхуанской плотины источник относит ко II в. до н. э.

Чтобы получить представление о том, насколько развитой была дуньхуанская оросительная сеть в VIII в., достаточно взглянуть на описи пахотных земель, которые опубликованы в первом выпуске наших документов. Буквально каждая строка любой описи пестрит указаниями на тот или иной канал, к которому примыкал почти каждый, даже небольшой клочок надела. К концу X в. количество каналов в Дуньхуанском регионе перевалило за сотню.

Постановка ирригационного дела в период, когда Дуньхуанский регион входил в состав империи Тан, нашла свое отражение в известном указе 637 г. Текст его был обнаружен среди дуньхуанских рукописей в фонде Пелльо (Р-2507). Этот документ содержит строгую регламентацию пользования водой и ирригационными сооружениями. В документе, в частности, отмечалось, что водяные мельницы на любом из каналов, если они задерживают ток воды и способствуют образованию наносов ила, ограничивая тем самым поступление воды на поля, — должны быть снесены. В части, касающейся непосредственно области Шачжоу, функции контроля за работой системы, как и в других районах страны, возлагались на начальника уезда. Однако, принимая во внимание специфические условия Дуньхуана, декрет предписывал выделять в помощь начальнику уезда четырех опытных специалистов орошения, которые осуществляли бы постоянный контроль за расходом влаги. Как правило, инспекторы были из бывших чиновников. Им выделяли лошадей, на которых они (в порядке повинности) с марта месяца по сентябрь должны были совершать регулярные объезды вверенных им участков.

Элементарная потребность экономного и совместного использования воды требовала от местной администрации держать под строгим контролем все обрабатываемые в уезде земли, включая и такие категории пахотных угодий, как *гунцзетянь* и *чжифэньтянь*, которые находились во владении (держании) у самих областных или уезд-

ных управ либо — у их чиновников, а также у чиновников военно-административных учреждений или командного состава местных гарнизонов. При определении объема работ, связанных со строительством и содержанием ирригационных каналов, местные власти должны были учитывать и эти земли, с тем чтобы соответственно их количеству отнести долю затрат и на держателей земельных участков этих категорий.

В тех случаях, когда, например, ощущался недостаток воды, снижение норм подачи ее на поля в одинаковой степени касалось как крестьянских наделов, так и чиновных и учрежденческих земель, т. е. они подпадали под такое же налогообложение, как и крестьянские хозяйства. Все они обязаны были обеспечивать ремонт и строительство дамб и каналов. Поочередное и беспристрастное орошение полей — таковым было требование китайских законов: «первым долгом властей являлось обеспечение того, чтобы (вода) равно распределялась повсюду, и власти не должны были проявлять пристрастия».

Поскольку подобные декреты центральной власти, устанавливающие правила использования тех или иных природных ресурсов, ограничиваются обычно констатацией общих принципов, то найденные местные (дуньхуанские) документы, в которых регламентируются правила эксплуатации оросительной системы применительно к местным условиям, представляются особенно ценными. В этом плане важное значение (несмотря на свою фрагментарность и плохое состояние текста) имеет рукопись, хранящаяся ныне в Национальной библиотеке в Париже (P-3560). В ней сохранилось почти 80 наименований каналов и арыков, при этом даются краткие топографические сведения о многих из них, а также раскрываются некоторые детали, касающиеся как порядка орошения полей, так и организации этого дела в целом.

Если иметь в виду тех, кто занимался непосредственно обслуживанием ирригационной сети, то ответ на этот вопрос (для танского периода второй половины VIII в.) надо искать в сохранившейся терминологии того времени. В частности, в документации, связанной с учетом населения, которое привлекалось к этим работам. Так, «Журнал повинностей» (*чакэбу*), который в начале 50-х годов VIII в. вели чиновники уездной управы в Дуньхуане, содержит множество «должностных» повинностей, исполнявшихся, главным образом, в местных учреждениях и казенных хозяйствах. Это — посты в низовой сельской администрации — сельские старосты (*личжэн*, *цуньчжэн*), секретари-письмоводители (*луши*), заведующие казенным имуществом, тюремные надзиратели, конвойные, курьеры и прочие служители. Были среди этой низовой администрации и лица, отбывавшие свою повинность в системе водопользования: *цюйтоу* (глава канала), *доумэнь* (смотритель шлюза), *цяньюань* («прежде работавший на казенной службе»), т. е. лица, знакомые, очевидно, с местной системой орошения и входившие прежде в уездную администрацию.

Смотрители каналов (*цзюйтоу*) и шлюзов (*доумэнь*) чаще всего назначались из числа *сюньгуаней* (обладателей почетных титулов за военные заслуги) или их сыновей. Для периодической же очистки и текущего ремонта каналов в порядке повинности, разумеется, привлекались крестьяне (*байдин*). К числу отбывавших повинность в системе орошения следует отнести и *луши* (секретаря-письмоводителя), назначавшегося уездным начальником, а также самого сельского старосту (*цуньчжэна*), обязанности которого, кроме всего прочего, предусматривали контроль с его стороны за своевременным ведением сельскохозяйственных работ. К чему приводило нерадивое отношение старосты к своим обязанностям, мы знаем из текста одного распоряжения дуньхуанского уездного начальника ⁶.

После 848 г., сразу же за установлением в Дуньхуане власти *цзедуши*, были предприняты меры к совершенствованию оросительной системы. Так, если в танском Китае главным лицом при распределении воды был правитель округа (*цзыши*), то при аппарате *цзедуши* ведущую роль в организации водоснабжения и орошения полей стали играть *иньгуань ду цзюйбо ши* — «комиссары по надзору за использованием водных ресурсов края» и подчиненные им инспекторы — *пиншуй* («регулирующие баланс воды»). Что касается терминологии, характерной для раннего периода Тан, то здесь преемственности не наблюдается. Скорее всего, в это время появляется новый термин *цзюйжэнь* (букв. «человек канала»), под которым, по нашим наблюдениям, понималась основная масса работников, занимавшихся ремонтом и очисткой каналов, содержанием в надлежащем порядке дамб, ограждений, мостов, подъездов к ним и т. д. Возможно, под этим термином подразумевались не только копатели каналов, но и квалифицированные специалисты, опытные мастера, умевшие прокладывать водотоки, а возможно, и отыскивать водосодержащие слои.

Если для характеристики института *цзюйжэней* периода первой половины правления династии Тан мы располагаем источниками исключительно директивного порядка, причем на уровне не ниже областного управления, то для времени правления в Дуньхуане *цзедуши*, наоборот, мы имеем исключительно первоисточники, исходящие из низовой организации. В условиях Дуньхуана IX—X вв. объединения *цзюйжэней*, несмотря на их кажущуюся автономность, вне всяких сомнений, направлялись и строго контролировались представителями местной власти, сочетая при этом свою деятельность с функциями, которые были присущи примонастырским общинам *шэ*.

Приведем один из таких документов, привезенных из Дуньхуана экспедицией академика С. Ф. Ольденбурга (Дх-11196)⁷:

⁶ См.: Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории согдийской колонии в районе Дуньхуана // Страны и народы Востока. Вып. 10: Средняя и Центральная Азия. География, этнография, история. М., 1971.

⁷ См. также: Чугуевский Л. И. Оросительная система в Дуньхуанском уезде // XI НКОГК. М., 1980. Ч. 1. С. 164; Cuguevskii L. I. Touen-houang de VIII-e

- 1 Циркулярное предписание [по артели] *цюйжэней*.
Му Ин-тун, Му Юань-шэн, Му Ин-чан, Му Чжан-сань, Ань Дэ-
чан, Ань Дин-чан, А Юань-син, // Гао Жу[?]-тун, Ли Юань-чжу,
2 дутоу Ли, Чжао Юань-цзинь, Го Ба-цзы, Го Куай-син, Го Юань-
3 дэ, Чэн Чоу-цзы, *сэнчжэн* Кан, // *фалюй* У, Юань Чоу-дин, Со
Лю-ну, Чжан (?) Лю-ну, Чжан (?) Юань-чан, Юань Куай-цзы,
4 Чжан (?) Бао-чан, Чжан (?) Чан-чжи, дутоу Чжан (?).
Вышепоименованные *цюйжэни* назначаются для приведения в
порядок дороги и настилки моста Дусянцяо. Каждому человеку
прибыть с одной связкой ивовых ветвей и лопатой. Необходимо
приготовить (запастись?) <...> //
5 По получении предписания к часу *мао* в 10-й день текущей луны со-
браться у речки Шахэ, около моста. Двоих опоздавших наказать
6 семью // ударами палкой. Те, кто не явится совсем, будут наказа-
ны строже. В этом предписании каждый помечает свою фамилию
и быстро передает его дальше.
7 В 9-й день 10-й луны луши .?. Чоу-ну составил.

Среди многочисленных документов, которые исходили от органов общинного самоуправления в Дуньхуане, выявлено 17, разной сохранности (2 документа в фонде Стейна, 4 в фонде С. Ф. Ольденбурга и 11 в фонде Пелльо) циркулярных предписаний, озаглавленных *цюйжэнь чжуаньте* — циркулярное предписание *цюйжэням*. Один документ (Р-4003) озаглавлен *цюйшэ чжуаньте*, т. е. циркулярное предписание по общине *цюй[жэней]*.

В отличие от текстов распоряжений, которые были приняты в практике общин смешанного типа (*шэсы чжуаньте*), предписания *цюйжэням*, как видим, содержат прямое указание на контроль за их деятельностью со стороны светских властей. Это постоянные письменные напоминания о том, что «тот, кто прибудет на место сбора с опозданием, — будет наказан семью ударами палкой». Тех же, кто не явится по предписанию вовсе, ждет более суровое наказание, которое определит *гуань*, т. е. представитель официальной власти, чиновник. Вместе с тем, как мы уже отметили, тексты этих предписаний говорят и о причастности *цюйжэней* к жизни буддийской духовной общины. Так например, при определении штрафных санкций за задержку циркуляра, который, судя по контексту, исходил от имени уездной волостной администрации, *луши* постоянно ссылаются на *тяо*, т. е. на устав, определявший деятельность примонастырских объединений *шэ*, хотя ни одного оригинала с текстом устава для данной категории дуньхуанских мирян, насколько нам известно, найдено не было. Думается, не будет ошибкой утверждать, что в их основу явно были положены те же типовые проекты уставов, что и для *шэ-жэней* (*шэху, шэцзы*).

Если связи *цуюжэней* с буддийскими монастырями, как мы предполагаем, базировались на типовом уставе, то какого-то другого нормативного документа, который определял бы их задачи по поддержанию в рабочем состоянии оросительной сети, мы не знаем. Частью такого документа, а скорее всего чем-то вроде «Положения о цуюжэнях», мог быть фрагмент рукописи S-5874, содержание которого явно связано с проблемой использования местных водных ресурсов⁸:

<...> Вода для нашей местности — все равно что кровеносная система человека <...> [поэтому] в местах отвода [воды] из реки (канала магистрального) необходимо постоянно (?) укреплять <...> // десять (...дцать?) семей образуют от одной ли (деревни) <...> // каждый раз, когда объявляется сбор <...> //

Не вдаваясь в анализ приведенного отрывка, видим, что речь здесь идет о соблюдении техники ирригационного дела. Похоже, для того чтобы содержать в порядке искусственные сооружения, особенно в тех местах реки или магистрального канала, где берут начало водоотводные каналы, практикой была выработана какая-то усредненная цифра исполнителей, мобилизуемых каждый раз, когда появлялась необходимость объявить аварийное состояние оросительной системы. Заметим, кстати, что во всех известных нам циркулярах местом сбора названы либо «начало канала», либо *кэкоу* — «место отвода [воды] из реки».

Важно, что из 17 дошедших до нас предписаний цуюжэням, 9 документов относятся к работе и жизни одной и той же группы, которую возглавлял *луши* Чжан Цзай-дэ. Эта счастливая случайность позволяет нам сделать кое-какие наблюдения. Так, распоряжения Чжан Цзай-дэ датированы 2-м и 4-м, 9-м и 10-м месяцами 984 г. Пять из девяти документов появились «в связи с необходимостью — как это сказано в тексте распоряжения — предотвратить грозящее бедствие», которое ожидалось из-за резкого повышения уровня воды в канале. Три документа связаны с проведением внутриобщинных буддийских ритуальных мероприятий, свойственных примонастырским объединениям смешанного типа, один документ — предписывал группе из 18 человек явиться с лопатами и вешками для разбивки предполагаемого к освоению пахотного участка и трассировки оросительного водотока. Просматривается определенная очередность участия в работах, причем, как правило, привлекались 16—20 человек, не более. Каждый из *цуюжэней* должен был прибыть к месту работы непременно с инструментом (лопатой, мотыгой, корзиной) и определенным количеством хвороста или крепежного материала. При общей численности группы в 42 единицы — 24 человека были представителями рода Чжан, остальные 18 принадлежали к семьям Фань (7), Сун (6, один из них — монах), Инь (2), Хэ (2) и Ли (1). За груп-

⁸ См.: Чугуевский Л. И. Оросительная система... С. 165.

Л. И. Чугуевский. Циркулярные предписания в Дуньхуанском фонде

пой был закреплен канал Шацуй — это примерно в трех десятках ли восточнее уездного центра. Местом сбора названы разные точки: места его соединений с другими связанными с ним водотоками или устье канала у питавшей его реки.

К сожалению, мы плохо представляем те материальные условия, на которых потребители получали воду из казенных каналов, мы не знаем и того, были ли частные каналы и частная вода. Ответы на эти вопросы, думается, могут быть найдены в серии юридических документов местного происхождения, особенно в тех, где фигурирует такой термин, как *дишуй* (букв. «земля и вода»). Широкое распространение этого термина в дуньхуанских документах IX—X вв. показывает, что основу любого крестьянского хозяйства составляло не просто наличие земельного участка, но еще и воды. Пользование ими было основано на определенных установлениях, регламентировавших как нормы самих наделов, так и правила пользования системой орошения. Последнее обстоятельство влекло за собой значительное увеличение налогового бремени, а потому вода была нередко предметом споров или особых оговорок при регулировании имущественных или арендных отношений, что мы можем продемонстрировать на следующих примерах:

— как видно из текста контракта на аренду земельного участка (хранится в фонде Пеллю: P-3527), арендатор Со Хуай-и брал на себя только те «большие» (зерновой налог) и «малые» (на содержание сторожевых башен, поставку сена и топлива) налоги и повинности, которые были связаны с фактом держания участка как такового. Что же касается налогов и повинностей, которые юридический держатель земли должен был нести за право пользоваться водой, то они оставались на плечах последнего;

— известен случай (см. P-3155), когда только при долгосрочной (на 22 года!) аренде арендатор согласился поделить с хозяином земельного участка расходы на ирригацию;

— жалоба крестьянина волости Цыхуйсян Чжан Цзай-туна, датированная 2 г. Юн-си (985), родилась в результате тяжбы, возникшей между родным и приемным сыновьями из-за «земельного надела, воды и дома, оставшихся от отца» (см.: S-4489);

— Ху Цзай-чэн, крестьянин волости Лунлэсян, в подписанном им акте об усыновлении (см. P-3443, 962 г.?) сделал распоряжение, что «все имеющиеся в городе (его) строения, а за городом — земля, вода и [движимое и недвижимое] имущество...» считать принадлежащим на равных как его родному, так и приемному сыновьям;

— отсутствие или недостаток воды порой ставили на карту даже само существование той или иной семьи. Так, недостаток воды, лишивший «лепных дел мастера» (*суцзян боши*) Чжао Сэн-цзы средств производства, вынудил его отдать своего родного сына в долговое рабство (см.: S-3964).

Рассматривая материалы о *цуйжэнях*, нельзя пройти мимо присутствия в Дуньхуане согдийцев. В свое время мы уже писали о существовании лишь в полукилометре от уездного центра «города бухарцев» (*аньчэна*), который в рамках тогдашней административно-территориальной системы был составной частью Дуньхуанского уезда и где-то фигурировал в официальных документах как волость Цунхуасян («натурализовавшаяся»?)⁹. В 750 г. волость насчитывала 300 дворов с населением в 1400 человек. По подсчетам известного японского специалиста по Дуньхуану проф. Икэда Он, более 40 % имен и фамилий взрослого мужского населения волости указывают на их согдийское происхождение (выходцы из Самарканда, Бухары и Ташкента). Многие из них, как это засвидетельствовано в названной выше «Книге повинностей», имели непосредственное отношение к работе оросительной системы¹⁰. Более того, согдийскими именами изобилуют и циркуляры IX—XI вв. Примечателен своим содержанием текст одного канцелярского отчета, датированного второй половиной X в. (см. P-4640), — это роспись расхода бумаги на нужды управленческого аппарата наместника округа (*цзедуши*). Документ, надо особо подчеркнуть, изобилует записями о расходе бумаги на нужды огнепоклонников, которые устраивали свои празднества, моления возле рек, водоемов, на берегах оросительных каналов, на перекрестках дорог.

Циркулярные предписания для членов объединений, занятых поддержанием общественного правопорядка (*синжэнь чжуаньте*)

Наличие циркуляров этой четко обособленной группы свидетельствует о существовании в Дуньхуане еще одной социальной организации, формировавшейся по профессиональному признаку. Это были общественные мобильные отряды, несущие патрульную и караульную службу, включая, несомненно, и функции пожарной охраны.

Обобщая содержание доступных нам текстов этого типа, мы можем констатировать, что:

— получив циркуляр в руки, каждый названный в документе *синжэнь* должен был сделать подпись-мету, подтвердив этим свое знакомство с содержанием документа, а затем уже

— во исполнение полученного распоряжения должен был при полном комплекте оружия в указанный в предписании день (как правило, ранним утром или, наоборот, с наступлением ночи) явиться к одним из городских ворот уездного центра: к Восточным (P-4504, P-4017). Западным (см. пекинский фонд, шифр «Иньцзы»-41), Северным (см. P-2877, Дх-10288) или Южным (см. Стейн-4504, P-3070) либо куда-нибудь в другое указанное в документе место. В волости

⁹ См.: Чугуевский Л. И. Новые материалы к истории... С. 147 – 157.

¹⁰ Там же. С. 148.

Шэньшасян местом сбора названо, например, помещение Дацан (главного склада), статуя «Большого будды».

Синжэнь — это сокращенное от *синъежэнь*, термина, которым обозначали специальных патрульных, непосредственно наблюдавших за соблюдением *цзинъе* — запрета на ночное передвижение. (Ограничения на передвижение в ночное время не распространялись на случаи, связанные с поездками по казенным делам или связанные со смертью, родами и другими подобными обстоятельствами. Запрет снимался только в канун новогодних празднеств.) В Китае система ограничений передвижения в ночное время уходит своими корнями в глубокую древность. Наба Тосисада в связи с дуньхуанскими циркулярами *синжэней*, делая экскурс в историю этого вопроса, выявил названия должностей, которые в разное время были учреждены для лиц, выполнявших функции блюстителей порядка. От рядовых патрульных, которые должны были заниматься непосредственно выявлением нарушителей — поднимать тревогу в случае появления грабителей, воров — до старших должностных лиц, возглавлявших караульную службу. Ночной покой танской столицы, например, охраняли отряды из так называемых *лицзу*, подчиненных специально назначавшимся военачальникам. В провинциальных городах эти функции были возложены на военных чиновников в лице *чжэчун дувэя*, возглавлявших *чжэчун (дувэй) фу*, что-то вроде военного комиссариата, который ведал вопросами учета военнообязанных (*вэйши*) и дислокации *фубинов*.

Что касается организации патрульно-сторожевой службы в Дуньхуанском уезде и его волостных центрах, то здесь эту роль, как свидетельствуют циркуляры, выполняли отряды *синжэней*, сформированных из односельчан. К сожалению, отсутствие в названных источниках прямых указаний на принципы их формирования не позволяет пока остановиться на этом вопросе более подробно. Полагаем, что, как и рассмотренные выше объединения лиц, обслуживавших оросительную систему, *синжэни*, будучи обособленной административной единицей, подчинявшейся прежде всего военно-гражданской администрации, тоже сочетали свою деятельность с функциями, которые были присущи примонастырским мирским общинам *шэ*.

Общий же характер их деятельности, исходя из самоназвания, можно проследить, например, по тексту циркуляра, который хранится среди дуньхуанских рукописей в фонде Пекинской библиотеки под шифром «Иньцзы-41»¹¹:

[Циркулярное предписание *синжэням*]

Поименованным выше *синжэням* (начало документа, где идет перечисление членов отряда. — Л. Ч.) по распоряжению [*сян*]гуаня (волостного старосты. — Л. Ч.) следует заступить на дежурство,

¹¹ См.: Чугуевский Л. И. Некоторые данные об отношениях объединений мирян с местной администрацией в Дуньхуане // VIII НКОГК. М., 1977. Ч. 1. С. 41.

имея при себе лук со стрелами, копьё и (сбоку?) *байбан* (один из простейших видов холодного оружия, простая, зачищенная палка. — *Л. Ч.*) <...> Не должно недоставать ни одного (вида оружия, т. е. явиться, что называется, при полной боевой выкладке. — *Л. Ч.*)<...> Получившие предписание [должны] к часу *мао* (цикл *мао* соответствовал отрезку времени от 5 до 7 часов утра. — *Л. Ч.*) в 26 день текущей луны собраться у Западных ворот [города]. Если будут опоздавшие, <...> [наказать] семью ударами <...> [На не] явившихся представить список. Начальник отряда (подпись не сохранилась).

Как видим, тексты распоряжений, которые циркулировали в объединениях *синжэней*, так же как и циркулярные предписания, предназначавшиеся для тех, кто был занят обслуживанием системы орошения, содержат прямое указание на контроль за их деятельностью со стороны местной гражданской администрации. Здесь те же штрафные санкции, что и в отношении *цьюжэней*. Внешне эти два типа предписаний отличает лишь только то, что циркуляры *цьюжэней* исходили от лица их делопроизводителя (*луши*), а распоряжения о сборе *синжэней* подписывались начальником отряда (*дуйтоу*) или его помощником.

Причастность *синжэней* к жизни сангхи мы усматриваем в содержании (пока единственно известного нам) циркулярного предписания, в котором и нашла отражение их социальная деятельность, связанная с обычным отправлением религиозных культов. Это рукопись из коллекции Стейна под шифром 6309:

Поименованные выше *синжэни* (в тексте перечислены фамилии 21 чел. — *Л. Ч.*) приглашаются на общее пиршество (*цзюйси*) по случаю празднования поста *ханьши*, которое состоится [в помещении] управы. Получившим [данное] предписание следует к часу *цзы* (цикл *цзы* соответствовал отрезку времени от 11 вечера до 1 часа ночи. — *Л. Ч.*) собраться у входа в присутствие. [Если будут такие, кто] придет с опозданием или не явится вовсе, — их ждет строгое наказание.

Для нас важно, что в не полностью сохранившейся концовке этого документа имеется упоминание о взыскании штрафа в размере 1 доу пшеницы, если данный циркуляр будет кем-либо задержан. Ну, а поскольку подобная система штрафов была характерна для всех описанных выше объединений, которые строили свои взаимоотношения на типовых уставах примонастырских *шэ*, то можно считать, что ими же регулировались и культовые действия *синжэней*. Короче, объединения *синжэней*, сформированных гражданскими властями (так же как и объединения *цьюжэней*) по принципу фискальной принадлежности, входили обособленными группами и в число приходских общин, группировавшихся вокруг буддийских монастырей. Подтверждением этому может служить статья расходов одного из дуньхуанских монастырей, где мы находим запись о проведении

общей трапезы, в которой приняли участие члены «наших монастырских семей», братья-монахи и *синжэни* (см.: Стейн-5927, 902 г.).

Насчитывается всего 14 циркуляров, адресованных *синжэням*. Часть их хранится в Британском музее, в коллекции Стейна (№ 214, 329, 1159, 1163, 4504, 6272 и 6309), 3 документа — в коллекции Пелльо, в Национальной библиотеке в Париже (№ 2342, 2877 и 3070), 1 — в Пекинской библиотеке («Иньцзы-41») и 2 фрагмента — в коллекции С. Ф. Ольденбурга (Дх-10288, Дх-10289). Сохранность названных документов оставляет желать лучшего. Все дошедшие до нас оригиналы предписаний, как правило, дефектны — это либо две-три строки начала или конца документа, либо — его нижняя или верхняя половины. Наиболее полно сохранившимися, видимо, следует считать рукописи Р-2877 и Р-3070, которые еще в 1944 г. были опубликованы одним из японских дуньхуановедов проф. Наба Тосиасада. К сожалению, его публикация осталась для нас недоступной. По имеющимся косвенным сведениям первую из названных рукописей можно датировать, по-видимому, 905 г., а вторую — 896-м, т. е. временем правления шачжоуских *цзедуши*.

Две первые из названных нами стейновских рукописей (№ 214 и № 329) не являются собой подлинных документов. Это всего лишь учебный материал — каллиграфические упражнения в составлении деловых бумаг. Похоже, учебный характер имеют и рукописи № 1163 и № 4504, однако это не умаляет их значения как документа. Они ценны тем, что в них зафиксирована терминология, характерная для реальной обстановки — «явиться на дежурство», «на поверку». Кстати, продолжительность дежурств, если судить по содержанию циркуляров Р-2877 и Р-3070, составляла трое суток.

Помимо перечисленных нами циркулярных предписаний, сохранилось еще пять рукописей (в колл. Стейна — № 1864, 1475 и 5824; Пелльо — Р-2449; у нас — Дх-1462¹², в которых термин *синжэнь* фигурирует в качестве административно-территориальной единицы, названия одной из «тысячедворок» (*було*), образованных тибетцами (781—848) в Шачжоу — *Синжэнь було*. Этот топоним ставит исследователей в тупик, как прочесть встретившееся название. Дело в том, что первый иероглиф этого термина имеет двоякое чтение. Его можно прочесть как *синжэнь*, так и *ханжэнь*. В первом случае это будет «человек, несущий караул, патрулирование» (сокращенное от *синъежэнь*), во втором — «член цехового объединения лиц одной профессии» (сокращенное от *ханъежэнь*).

В нашем случае упоминание во всех циркулярах военной атрибутики говорит явно за то, что мы имеем дело с *синжэнями*.

Вопрос о том, насколько найденные в Дуньхуане документы шэ могут быть использованы применительно к Китаю в целом, т. е.

¹² Описание рукописи см.: Воробьева-Десятовская М. И., Гуревич И. С., Меньшиков Л. Н., Спирин В. С., Школяр С. А. Описание китайских рукописей... № 1515.

применимы ли они для иллюстрации общественной жизни в то время собственно в Китае, — это предмет большой самостоятельной темы, которая, как нам кажется, может быть разработана с привлечением множества других документов, сопутствовавших всякого рода действиям объединений *шэ*. Здесь нужно только подчеркнуть, что в периоды изоляции, как свидетельствует сам документальный материал, китайцы, соприкасаясь непосредственно сначала с тибетцами, а затем также с уйгурами и другими племенами, сумели сохранить свои традиции и обычаи.

Вместе с тем нужно заметить и то, что если в первой половине династии Тан хозяйства общинников и их земля находились под строгим контролем государства, пытавшегося предотвратить расслоение среди крестьян, то в Дуньхуане ко второй половине правления Танской династии это установление было нарушено. Произошли определенные изменения в методике подушного учета населения, в регистрации земельных наделов, а также и в самой налоговой политике, в системе натуральных повинностей.

Что касается вхождения буддизма в китайский религиозный быт, то если на первых порах значительная часть новых приверженцев буддизма интересовалась не просто культовой, но и философской стороной нового учения, то позднее среди общинников стало расти стремление к оказанию друг другу взаимной помощи и установлению дружеских связей, подчиненных удовлетворению своих, обычно бытовых, нужд. Буддийские же празднества, похоже, гармонично вписывались в схему их вождельных житейских устремлений.